

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА: ЭТНОГРАФИЯ МИГРАЦИЙ

ЭО, 2012 г., № 4

© С. Н. Абашин

СРЕДНЕАЗИАТСКАЯ МИГРАЦИЯ: ПРАКТИКИ, ЛОКАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА, ТРАНСНАЦИОНАЛИЗМ*

Ключевые слова: этнография, Средняя Азия, миграция, миграционные процессы, идентичность, транснационализм

В статье рассматривается тема среднеазиатской миграции, ее осмысления в российском общественном сознании и в научных исследованиях. Автор анализирует способы классификации мигрантов и приписывания к мигрантам, отмечая их противоречивость и идеологическую ангажированность. Автор также предлагает взглянуть на миграцию этнографическим взглядом и заменить вопрос “кто такие мигранты?” на вопрос “как возникает *мигрантскость*?”. Предваряя блок статей, посвященный среднеазиатской миграции, настоящая статья обосновывает необходимость считать предметом исследования в рамках этой темы повседневные практики, объектом – локальные сообщества, полем – транснациональное пространство.

Миграция и мигранты – это, пожалуй, одна из главных тем в современной России¹. Ее активно обсуждают политики и журналисты, эксперты и пользователи Интернета, жители разных регионов и люди всех профессий. Что случилось? Возможно, в России происходит постимперский сдвиг, когда, с одной стороны, совершаются неизбежные массовые переселения между бывшим центром и периферией, а с другой, общество пытается осмыслить свою новую идентичность, новое положение в мире, конструируя постсоветскую линию размежевания “своих” и “чужих”. Возможно, что трансформации имеют более глубокий характер и на наших глазах Россия вступает в позднекапиталистический мир с его глобальными демографическими и экономическими диспропорциями, новыми технологиями, кризисами и конкуренцией, которые все вместе провоцируют и миграции, и новые классовые и культурные конфликты. Скорее всего, оба процесса накладываются друг на друга.

Так или иначе, ясно, что обсуждение этой темы имеет большое значение для осмысления происходящих в стране и мире процессов. Острая политизация приводит неизбежно к многочисленным преднамеренным и случайным искажениям фактов и такой их предвзятой интерпретации, которая сводит к минимуму возможность спокойного, нейтрального, неангажированного исследования. Способна ли наука – как область, где провозглашается “объективность”, – противодействовать нагнетанию фо-

Сергей Николаевич Абашин – д.и.н., ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН; e-mail: s-abashin@mail.ru

* Подготовка статьи осуществлялась при поддержке французского Fondation Maison des Sciences de l’Homme и гранта РГНФ № 11-01-00045а.

бий и алармистских настроений, подтасовкам, манипуляциям и откровенной лжи? Я совсем не уверен, что ученые на самом деле свободны от политической конъюнктуры, но в любом случае им к этому следует стремиться.

Воображаемые мигранты. Слова “миграция” и “мигрант” не имеют одного общепринятого значения. Международная организация по миграции в глоссарии на своем сайте предлагает считать миграцию “движением человека или группы людей через межгосударственные границы и внутри государства” (Key migration terms). Однако соответствует ли такое строгое академическое определение повседневному употреблению слова “мигранты”? Ведь далеко не всякое перемещение мы воспринимаем как миграцию. Что становится признаком “мигранта” – ответ на этот вопрос проистекает вовсе не из осознания того, что человек или группа людей “движутся”.

Здесь явно работает не только фактор пространственного расположения места выезда и приезда. Человек, который перемещается из Южного округа Москвы в Северный, не воспринимается как “понаехавший”, тогда как приезжий из подмосковных Мытищ вполне попадает в эту категорию. Российский гражданин с Северного Кавказа будет “мигрантом” в той же Москве, а гражданина Белоруссии скорее всего никто не заметит и не будет останавливать для проверки документов. Очевидно, что человек воспринимается как мигрант не в силу того, какой по длительности и по времени маршрут ему пришлось проделать, а в силу того, какие административные, социальные и культурные границы разделяют места выезда и приезда. Политическая же и ментальная карты не обязательно совпадают с географической, а перемещение не измеряется километрами и часами.

Категория “мигрант” не обладает данностью и изначальной прозрачностью для всех, кто говорит о них. Мигрантами при желании можно назвать самый широкий класс “перемещающихся” людей, а можно вводить разного рода ограничения, которые бы сужали это понятие до каких-то отдельных их групп (Рыбаковский 2003).

Следовательно, вопрос о том, кто такие мигранты, самым тесным образом связан с вопросом о том, какая инстанция определяет, кто такие мигранты. Это могут быть ученые, политики, журналисты, национальное законодательство и суд, правоохранительные и правозащитные организации, международные правовые нормы и институты, а могут быть и сами переезжающие, которые соглашаются или не соглашаются называться “мигрантами”, пользуются этим ярлыком или не пользуются. Нетрудно убедиться, что у каждой такой инстанции есть свои интересы, задачи, свое видение процессов в мире и обществе, свой инструментарий для оценки масштабов и перспектив миграции. Обсуждение темы “мигрантов”, иначе говоря, не существует вне контекста тех политических процессов, которые проходят сегодня в России, на постсоветском пространстве и в мире в целом.

Определения “миграции” и “мигрантов” являются предметом споров, разногласий, научной и политической борьбы и, соответственно, некоторого воображения и конструирования (Карпенко 2004). Существует несколько конкурирующих между собой способов классификации, с помощью которых происходит выделение “мигрантов” как особой категории людей. Условно можно говорить о правовой, социальной и культурной классификации. Между ними происходит постоянное переключение: правовые признаки перекодируются в социальные, социальные – в культурные.

Казалось бы, самым очевидным должен был бы быть официальный правовой статус, которым наделен “мигрант”. Посмотрим, например, на проект Концепции государственной миграционной политики РФ, разработанной в 2011 г. правительственной комиссией в качестве основного официального документа (Концепция). К нему приложен глоссарий, в котором слова “миграция” и “мигранты” есть лишь в составе таких понятий, как “академическая мобильность”, “внутренняя миграция”, “временная миграция”, “долгосрочная миграция”, “краткосрочная миграция”, “миграция на постоянное жительство”, “образовательная миграция”, “незаконная миграция”, “сезонная

миграция”, “трудова́я миграция”. Такое выделение типов “миграции”, видимо, призвано помочь властям различать разные стороны миграционных процессов, но в действительности оно приводит к путанице. Чем, например, отличается временная миграция от краткосрочной или от сезонной? Как долго может продолжаться долгосрочная миграция? Почему-то в глоссарии отдельно не упомянуто понятие “международная (внешняя) миграция”, хотя при объяснении других терминов оно используется.

Самое интересное, что российские законы нигде четко не устанавливают, кто такие мигранты, поэтому соотнесение всех указанных в концепции категорий с действующими правовыми статусами может носить только произвольный характер.

Например, в законе от 1993 г. “О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации” говорится только о регистрации граждан по месту постоянного или временного проживания. Слово “миграция” в этом случае упоминается только в названии “федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на осуществление функций по контролю и надзору в сфере миграции”, за которым и закреплена функция регистрации (О праве граждан). Закон от 2002 г. “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации” различает такие две категории, как иностранные граждане и лица без гражданства, и устанавливает несколько правовых режимов их пребывания на российской территории – “временно пребывающий иностранный гражданин”, “временно проживающий иностранный гражданин”, “постоянно проживающий иностранный гражданин”. При этом правовой статус имеет особенности при наличии или отсутствии визы, трудового соглашения и патента на трудовую деятельность и массы других обстоятельств, прописанных в законе. Слово “мигрант” при этом ни разу не употребляется. Правда, встречается слово “миграция” при упоминании “федерального органа исполнительной власти в сфере миграции”, “миграционного учета”, то есть учета всех находящихся на территории России иностранных граждан и лиц без гражданства, а также “миграционной карты”, документа, который получают все въезжающие в Россию иностранные граждане или лица без гражданства (О правовом положении).

Если следовать той логике, что мигрантами являются все те, кто пользуется услугами Федеральной миграционной службы, то в этом случае ими становятся вообще все люди, живущие и находящиеся в России (напомню, что ФМС занимается также выдачей российских и заграничных паспортов). Если же следовать логике, что мигрантами являются все, кто получает миграционную карту, то тогда ими становятся все иностранные граждане и лица без гражданства, пересекающие российскую границу, – включая туристов, приезжающих на встречи, конференции, лечение и т. д. Я не нахожу в этих документах четких правовых критериев отделения “мигрантов” от “немигрантов”.

Интересно отдельно посмотреть на правовые аспекты термина “нелегальный мигрант”, который широко употребляется разного рода политиками, общественными деятелями, журналистами и другими людьми. В законодательстве такого термина не существует. Можно ли его применить к российскому гражданину, который, допустим, нарушил порядок регистрации при переезде на другое место постоянного или временного жительства – остается неясным. Под “нелегальными мигрантами” обычно подразумеваются иностранные граждане (иммигранты), но и в этом случае термин “нелегальный” сохраняет неясный смысл. В проекте Концепции есть, например, выражение “незаконная миграция”, которая расшифровывается так: “перемещения в Российскую Федерацию с нарушением законодательства о въезде иностранных граждан, пребывания/проживания на территории России и осуществлении трудовой деятельности”. В этом определении в один ряд поставлены три различных правовых режима, за каждым из которых стоит своя совокупность документов: пересечение российской границы (наличие визы, если речь идет о странах с визовым соглашением, мигра-

ционной карты и т. д.), пребывание на российской территории (регистрация, вид на жительство и пр.), трудовая деятельность (договор о трудовой деятельности, патент и пр.) (Миграция и демографический кризис 2010). Возникает вопрос, на которой нет ответа: достаточно ли отсутствия ясности в статусе по одному (и по какому именно?) из этих режимов, чтобы считаться “незаконным мигрантом” (кстати, в международной практике употребляется более корректный термин “недокументированная миграция”), или же должны рассматриваться все три условия?

В официальном языке мы не находим последовательного и однозначного употребления термина “мигранты”². Законы сами по себе не содержат ни классификации мигрантов, ни их признаков. Каким же образом мы тогда узнаем, кто является “мигрантом” и кто нет?

Обратимся к повседневому языку и к тому, как в нем происходит наполнение смыслами слова “мигранты”. Здесь действуют скорее социальные и культурные классификации, которые приняты в обществе. Возьму первый попавшийся мне на глаза пример, чтобы проиллюстрировать наиболее типичные для сегодняшнего дня стереотипы. На сайте Коммунистической партии РФ в перепечатанной с сайта “Ведическое информационное агентство” статье “Нынешняя власть – самые главные гастарбайтеры” читаем такой текст: «Все мы прекрасно знаем, кто такие гастарбайтеры и где их “среда обитания”, достаточно пройти мимо новостройки, и вы увидите выходцев из Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, других среднеазиатских стран, реже – из Закавказья. Но это лишь, скажем так, высшая каста гастарбайтеров. У них есть гарантированная работа и зарплата (зарплата, правда, не всегда гарантированная) такого размера, который не светит им на их Родине. Сюда же можно отнести и дворников. Но по окончании строительства данного объекта, гастарбайтер может перейти и в более низкие касты – в разовые рабочие, которые перебиваются случайными заработками. Такие шляются по строящимся коттеджным поселкам и дачам в поисках “хозяина”, иногда подворовывая то, что плохо лежит. Или же стоят на площади трех вокзалов, ожидая “насяльника”...» (Кулагин).

В обывательском восприятии (“все мы прекрасно знаем”), которое воспроизводит автор заметки, мигрантами – это слово также используется в статье – оказываются не вообще все те, кто меняет регион проживания, и не все иностранцы, въехавшие на территорию России, а преимущественно так называемые трудовые мигранты, т.е. иностранцы, которые приехали “к нам”, чтобы заработать. Отдельный термин “гастарбайтер” дополнительно закрепляет эту смысловую нагрузку, а незаметный переход от “мигранта” к “гастарбайтеру” переключает тему с вопросов географического перемещения на вопросы социальных взаимоотношений на рынке труда.

Причем, я хочу обратить внимание, что автор характеризует гастарбайтеров – следуя опять же распространенному мнению – как строителей, дворников и разовых рабочих (сюда же можно добавить уборщиц, грузчиков и т.д.), т.е. приписывает им довольно низкое социальное положение. За этим кроется интересный смысловой сдвиг по сравнению с советским временем. Появление образа “гастарбайтера” вытесняет прежний образ приехавшего “лавочника”, своего рода “мелкого буржуа”, который торгует на рынках и обманывает (“обвешивает”) простого человека, а затем прожигает жизнь в роскоши на “нечестно” заработанные деньги. Хотя среди приезжих и сегодня значительную долю составляют мелкие предприниматели, врачи, офисные работники, студенты, ученые, деятели культуры и т. д. (да и вообще список профессий, которыми занимаются приезжие, очень широк), все они не рассматриваются ни в качестве гастарбайтеров, ни даже в качестве мигрантов. “Мигрантами” принято называть приезжих низкого социального положения, рисуется маргинализированный и люмпенизированный их портрет.

Именно такой образ мигранта-гастарбайтера диктует направление, в котором обсуждается вообще тема миграции. В публичных дискуссиях доминируют две основ-

ные точки зрения: первая заключается в том, что мигранты в силу своей “дешевизны” представляют “угрозу” российскому обществу – в этой связи называются и демпинг по оплате труда, и вывоз заработанных денег, и преступность, и болезни; согласно второй – мигранты сами подвергаются гонениям, дискриминации и эксплуатации, живут в нечеловеческих условиях на положении “рабов” и т.д. На первый взгляд, эти две точки зрения противоположны и отстаиваются политически и идеологически противоположными силами – “националистами” и “правозащитниками”. В действительности же противоречие между ними не такое существенное, это две стороны одной медали, поскольку обе позиции разделяют исходный постулат о “проблемности” мигрантов и о патерналистском к ним отношении.

Вспоминая вновь о советском времени, нетрудно заметить, что отношение к мигрантам-гастарбайтерам воспроизводит советскую “традицию” негативного и пренебрежительного восприятия “лимитчиков”, то есть работников, привлеченных из сельской местности на целевую, временную и низкооплачиваемую работу на промышленных предприятиях крупных городов (прежде всего Москвы). Однако, если лимитчику удавалось прожить в городе подольше, он весьма быстро сливался с остальным населением, которое тоже в значительной мере состояло из бывших жителей деревни, перешедших в статус рабочих. Наделение же мигранта-гастарбайтера определенными и выделяющими его из общей массы социальными признаками не приводит к тому, что все люди аналогичного статуса начинают воспринимать их как “своих”. Сайт КППРФ, публикуя статью о рабочих-гастарбайтерах, вовсе не рассматривает последних в качестве своей потенциальной и классово близкой аудитории. Автор пишет: «Работать и зарабатывать, это, в принципе, неплохо. Плохо то, что вместо того, чтобы жить и работать на своей Родине, способствовать процветанию своей Родины, добиваться положительных изменений на своей Родине, Джумшут решил: “Где вкуснее кормят, там и родина”». Социальные различия удерживаются в поле дискуссии именно о миграции.

Отличие гастарбайтеров от лимитчиков заключается в том, что социальные, статусные и поведенческие различия между приезжими и горожанами дополнительно маркируются теперь этническими признаками. Не случайно статья на сайте КППРФ, повторяя популярные стереотипы, упоминает только страны Средней Азии и Закавказья, а обобщенный гастарбайтер обретает исковерканное таджикское имя Джумшут – по имени персонажа из телевизионных комедийных сенок, в которых мигрант-рабочий изображается подчеркнуто “другим”. Социальная классификация переключается на культурную, после чего все социальные характеристики “мигранта” превращаются в примордиальные этнические черты.

В логике этнической классификации вопросы правового статуса и социального положения людей приобретают логику взаимодействия “хозяев” и “гостей”. Например, в Концепции государственной миграционной политики говорится: “Прямым результатом отсутствия государственных программ адаптации и интеграции является изоляция мигрантов от принимающего социума и нарастание негативного отношения к мигрантам”. Из этой фразы ясно, что под “мигрантом” имеется в виду вовсе не русский, приехавший из Баку, Ташкента или Владивостока в Москву или Питер, и скорее всего даже не украинец и не белорус, а именно этнически “другой”, который легко узнается по внешнему виду и поведению. При этом и сам “принимающий социум” обретает однозначно выраженные культурные черты и перестает восприниматься как культурно разнообразное общество.

Логика культурного конструирования “гостей” в наиболее радикальной форме уже и не требует правового обоснования. Вспомним конфликт в Кондопоге в 2006 г. Конфликт там имел множество причин – социальных, экономических, правовых, бытовых и пр., но был представлен (буквально навязан общественному сознанию) как конфликт “коренных жителей” и “понаехавших” мигрантов (выходцев с Кавказа), при

том что речь шла о российских гражданах, причем и те и другие приехали в северный регион в разное время из других частей России. В этом контексте мигрант – это не просто любой, как требует академическое определение, “передвигающийся” человек, а это человек “другой”, “чужой” культуры, которая, как подразумевается, несет какую-то “угрозу” и “опасность” тому самому “принимающему социуму”. В культурной классификации слово “мигрант” превратилось по сути в легальный эвфемизм для обозначения националистических и расовых предубеждений (*Малахов 2007: 75–124; Шнирельман 2011: 7–171, 380–386*).

Итак, не существует единого, общего для всех понимания, кого следует называть “мигрантами”. Вместо этого имеется несколько различных классификаций, основанных на разных критериях. Хотя переключение между этими классификациями происходит регулярно, они не совпадают полностью друг с другом, а содержат значительные непересекающиеся области, в результате люди могут в одних ситуациях восприниматься (в том числе воспринимать себя сами) в качестве мигрантов, в других – нет. Это открывает возможность для манипуляций этим понятием и для использования его в качестве негативного ярлыка, с помощью которого тот или иной человек оказывается риторически и символически исключенным из “нормального”, “своего” пространства (*Соколовский 2001*). Воображаемые мигранты – это не просто невольная ошибка восприятия, но и инструмент для политической игры.

Этнография мигрантскости. Вопрос о том, кто такие мигранты, имеет методическое и даже методологическое значение для исследователей, берущихся за тему миграции. Поиск ответа на этот вопрос обычно идет в двух, связанных между собой, направлениях: первое – стремление нарисовать обобщенный портрет всех мигрантов, второе – желание найти и охарактеризовать “среднего” мигранта, его преобладающий типаж, основные стратегии и мотивации. Однако логика того и другого направления имеет, на мой взгляд, целый ряд изъянов, даже если собранные с такой целью материалы и их анализ дают массу интересных наблюдений и выводов. Во-первых, “генеральная совокупность”, главная точка отсчета для такого рода исследований, остается весьма призрачной величиной, которую технически очень сложно измерить. Дискуссия о числе мигрантов давно превратилась в публичном пространстве в средство политического давления – в прессе и в речах политиков фигурируют самые разные, порой совершенно невероятные цифры, которые воздействуют на общественное сознание, как правило в негативном ключе (*Мукомель 2011*). Единственным достоверным инструментом подсчета, например, среднеазиатских мигрантов в России является на сегодняшний день число выданных на границе миграционных карт. Согласно официальному данным за 2011 г., в Россию въехало 13,6 млн иностранных граждан, из них (я округляю) 14% – из Узбекистана, 11% – из Казахстана, 7% – из Таджикистана и 4% – из Кыргызстана, всего из стран Средней Азии въехало около 4,8 млн человек (На территорию РФ 2012). Эти цифры, с одной стороны, не учитывают тех, кто проживает в России больше года, и тех, кто имеет российское гражданство (а число таких среднеазиатских выходцев растет). С другой стороны, указанные цифры включают в себя двойной и тройной счет одних и тех же людей, которые по закону при проживании более 3 месяцев должны выехать из России и въехать заново. Кроме того, эти материалы не дифференцируют иностранцев на трудовых мигрантов, туристов, студентов, командированных и т. д. и не указывают ни возраста, ни образования, ни других данных, которые важны для составления представлений о “генеральной совокупности”.

Опросы в странах выезда помогают, конечно, исследователям уточнить картину. Но и здесь есть свои проблемы, связанные с надежностью местной статистики или ее полным отсутствием (например, в случае с Узбекистаном, который в своей официальной политике совершенно игнорирует тему эмиграции).

Во-вторых, попытки “схватить” картинку в целом не успевают за развивающейся ситуацией – “генеральная совокупность” не является постоянной величиной. Возьмем,

например, только миграцию из Средней Азии – ее структура весьма быстро меняется. Если в 1990-е годы в Россию приезжали главным образом русские и русскоязычные жители региона, то начиная с конца 1990-х и по нарастающей в 2000-е гг. в трансграничное движение включились жители Таджикистана, затем Кыргызстана и, наконец, Узбекистана. Еще недавно (и до сих пор) всех трудовых мигрантов обобщенно называли “таджиками”, но сегодня большинство пересекающих российскую границу составляют граждане Узбекистана. Кому-то покажется, что между узбеками и таджиками нет разницы, но специалисты по среднеазиатскому региону знают, что смена основной страны исхода мигрантов означает смену социальных групп и включение в движение, например, узбекского мелкого бизнеса и большого слоя интеллигенции. К этому добавлю постепенное включение женщин в движение, увеличение количества приезжающих семей, появление поколения родившихся и выросших в России детей, расширение географии расселения выходцев из Средней Азии, накопление опыта взаимодействия и личных связей с местным населением и т. д. Все эти процессы идут по нарастающей, при этом они зависят от разнообразных факторов, которые могут воздействовать на ситуацию – как это было во время кризиса 2008–2009 гг. и как это может быть в случае введения визового режима со среднеазиатскими государствами, чего требуют многие российские политики.

В-третьих, и это, пожалуй, самое главное, весьма проблематичной является сама идея получить “средний” типаж мигранта и выявить какую-то общую закономерность миграции. В действительности, возвращаясь опять же к выходцам из Средней Азии, эти люди и их стратегии очень разные. И как любое общество состоит из множества групп и противоречивых взаимосвязей, так и приезжие разделяются на самые различные категории, хотя порой их различия едва заметны со стороны. Целый ряд из них выпадают из “генеральной совокупности”: никто не воспринимает в качестве “мигрантов” бизнесмена Алишера Усманова, политтехнолога Джахан Поллыеву, кинорежиссеров Тимура Бекмамбетова и Бахтияра Худоназарова, футбольного тренера Рашида Рахимова и еще десятка, а может быть и сотни тысяч других людей, которые не вписываются в “средний” типаж и поэтому исключаются из списка потенциальных интервьюируемых. В этом смысле научное исследование встраивается – вольно или невольно – в политическую логику исключения, о которой я писал выше.

Разброс жизненных траекторий очень большой и как раз в этом многообразии заключается сущностная черта массового трансграничного передвижения, когда люди рассеиваются по регионам и социальным нишам, выбирая для себя наиболее оптимальные, а часто и вынужденные пути, постоянно корректируя свой выбор и находясь в поиске других возможностей. При этом социальный и символический капиталы тех или иных групп нельзя измерить лишь тем, какую долю в общем потоке приезжих они занимают. Вокруг некоторых из них кристаллизуются тенденции, которые со временем могут стать преобладающими – и не исключено, что кажущийся сегодня маргинальным процесс завтра вдруг окажется ведущим. Эти разные траектории пересекаются между собой невзирая на страны исхода, и тесно соприкасаются с жизненными траекториями российского населения, которое тоже находится в схожем состоянии движения, – они сцепляются и образуют новые пучки отношений и интересов со своей собственной логикой течения.

Не отвергая полностью попыток улучшить методику и создать-таки обобщенный портрет мигранта и признавая, что в такого рода задачах есть своя польза, надо взглянуть на миграцию и другим – этнографическим – взглядом. Вопрос, кто такие мигранты, можно переформулировать в этом случае на вопрос, как возникает мигрантскость³. Предметом исследования должны стать, следовательно, повседневные практики мигрантов, объектом – их локальные сообщества, полем – транснациональное пространство. Поясню чуть подробнее, не претендуя, разумеется, на полноту и бесспорность.

Мне представляется, что исключительно важным в понимании мигрантскости является не сам по себе факт пересечения той или иной границы и приобретения соответствующего ярлыка, а совершающиеся перенастройки в практиках и идентичностях. Эти перенастройки начинаются задолго до того, как человек отправляется в путь, – тогда, когда он/она начинает задумываться о такой возможности, и продолжаются на протяжении всей дальнейшей жизни, даже если человек перестает переезжать или его планы о переезде остаются только в мечтах. Сама перспектива оказаться вне места своего рождения/проживания уже меняет течение повседневности. Мигрантскость выражается в том, как передвигающиеся люди начинают осмысливать окружающий их мир, какие стратегии поведения в нем они принимают, задумывают и осуществляют, что происходит с сетями солидарности, религиозностью, восприятием маскулинности и женственности, ритуализованностью этикета, символическими и материальными атрибутами и т.д. Иными словами, в поле зрения должны попасть все те же традиционно изучаемые этнографами, институты и отношения, “духовная и материальная культура”, но в своих новых – трансграничных, движущихся и пр. – режимах существования.

Акцент на практиках и идентичностях позволяет не концентрироваться на вопросе, кого считать и кого не считать “мигрантами”. Стоит только оглянуться вокруг, присмотреться к тем людям, с которыми мы повседневно общаемся, и можно легко “найти” выходцев из других стран и регионов, которых мы не “проблематизируем” в качестве мигрантов, которые работают рядом и вместе с нами, с которыми мы отмечаем общие праздники, обсуждаем общие темы, которых мы уже привыкли считать “своими”. В поле зрения тогда попадают любые виды движения, в том числе перемещение символов, артефактов, информации⁴. Пример – среднеазиатские рестораны и среднеазиатская кухня, которые за последние несколько лет получили огромную популярность в крупных городах России. Никто не воспринимает их как “проблему”, в том числе и те, кто говорит о “засилье” мигрантов с их “кишлачными” привычками. Однако для осознания того, что среднеазиатские рестораны и кухня – это часть миграции, нужна определенная “настройка оптики”, необходим отказ от стереотипов и предубеждений.

Интерес к повседневным практикам заставляет исследователей мигрантскости обратиться к локальности как основному объекту изучения (Дятлов 2009: 7–8; Schiller, Çalar 2009). Локальность имеет территориальное и отчасти совпадающее с ним социальное измерения. Очевидно, что мигрантскость формируется по-разному в различных регионах России. Ситуация в Москве не идентична ситуации в центральных областях европейской части России и в Поволжье, совершенно особая ситуация на Южном Урале и в Западной Сибири, отдельно стоят Дальний Восток и Кавказ. Демографическое и экономическое положение в каждом регионе определяет интенсивность движения, цикличность, характер взаимодействия с властью и т.д. При этом и внутри этих регионов стоило бы различать и изучать процессы отдельно в городах-миллионниках и их пригородах, отдельно в провинциальных городах и в сельской местности. Соответственно, внутри одного и того же населенного пункта организация торговых групп приезжих отличается как от организации строительных бригад, так и от студенческих общин. Подводить все это под один знаменатель, не замечая местных особенностей, – ошибка.

Локальные мигрантскости формируются благодаря разнообразию условий жизни не только в самой России, но и за ее пределами, откуда приезжие отправляются в свое путешествие. Деление их по странам исхода или даже по национальности весьма условно отражает то многообразие региональных и социальных групп, на которые, как хорошо известно этнографам, делится среднеазиатское общество. Каждая группа имеет собственную конфигурацию тех самых практик, о которых я упоминал, по своему выстраивает приоритеты и сети поддержки, реагирует на меняющиеся обстоятельства и осваивает заработанные за пределами родины средства. История и жизнь каждой общины, семьи, даже конкретного человека становится с этой точки зрения не част-

ным случаем общих закономерностей, а уникальным примером и опытом, который заслуживает пристального внимания и отдельного изучения.

Локальный масштаб событий, обычный для этнографии, в случае с миграцией связан с особым устройством исследовательского поля. Оно не замыкается в изолированном и, как нередко считается желательным, удаленном месте, а растягивается через административные и государственные границы, образуя транснациональное пространство.

Транснационализм – понятие, сформулированное специалистами по миграции для того, чтобы уйти от жесткого противопоставления диспозиций “там” и “здесь”, в которых находится движущийся человек (*Кайзер, Бредникова 2004; Nations Unbound 1994; Levitt 2001; Vertovec 2009*). С помощью этого понятия выделяется третье состояние – третье поле – пребывания одновременно и “там”, и “здесь”, когда тот же среднеазиатский житель, уезжая на длительное время работать и, фактически, жить в России (или другой стране), сохраняет самые тесные связи с местом исхода, продолжая общение с родственниками и соплеменниками по телефону и Интернету, переводя деньги своей семье и регулярно возвращаясь “домой” для подтверждения своего статуса члена сообщества. Обозревая это пространство целиком, мы видим, что люди оказываются в раздвоенном состоянии, когда они одновременно становятся “своими” и “чужими”, “законными” и “незаконными”, “семейными” и “несемейными”, “бедными” и “богатыми” и т.д., переключаясь из одного регистра в другой по необходимости. Практики и идентичности в таких условиях приобретают транснациональный характер, то есть приспособляются к дальним расстояниям и средствам коммуникации, к ритмам движения туда и обратно, к смене статусов и облика.

Транснациональный фокус подразумевает интерес к тому, что происходит с движущимся человеком в те моменты его жизни, когда он еще не отправился в дорогу или когда он перестал путешествовать. Интерес представляют также и все те, кто его окружает, – не имея своего опыта миграции, они так или иначе принимают участие в принятии решения о поездке, общаются с выехавшим и вместе с ним приспособляют свою жизнь к новой ситуации. Даже вопрос о том, почему кто-то не уезжает, заставляет задуматься над тем, по каким причинам совершается выбор в пользу движения и какие ограничения при этом могут быть.

* * *

Журнал “Этнографическое обозрение” публикует подборку статей, в которых предпринята попытка этнографического исследования миграции. Речь, конечно, пойдет не обо всех перемещениях, которые происходят в России, а только об одном – среднеазиатском (даже таджикском) – их направлении. Каждый из авторов предлагает свои материалы и размышления, использует собственный концептуальный аппарат для анализа, делает выводы, не обязательно совпадающие с наблюдениями коллег. Общая цель, которая все эти статьи объединяет, – это стремление уйти, с одной стороны, от обсуждения “плюсов” и “минусов” миграции, “проблем”, “угроз”, “вызовов” и т.д., а с другой, сосредоточиться на деталях и подробностях, которые позволили бы увидеть миграцию в иных, пока непривычных для российского читателя, ракурсах, услышать то, что сами люди, которых мы называем “мигрантами”, думают о себе, о своей жизни и своем опыте движения.

Примечания

¹ Я благодарю К. Григоричева и Н. Зотову за комментарии к черновому варианту статьи.

² Я хочу подчеркнуть в данной связи, что отсутствие четкого правового определения, кто такой “мигрант”, не является недостатком законодательства. Тот факт, что законы не опери-

ругим этим термином, скорее позволяет более гибко описывать различные ситуации и состояния. Сложности начинаются в тот момент, когда сами же чиновники по своему усмотрению, не свободному от политической целесообразности, трактуют те или иные правовые статусы в понятиях “мигрант” и “коренной житель”.

³ Предлагаемый мною термин “мигрантскость” выглядит искусственным новообразованием, однако он наиболее оптимальным образом указывает на то, что речь должна идти не о людях, а о тех свойствах, которые люди приобретают в результате миграции и во время пребывания на новом месте.

⁴ Здесь я хочу отослать к работе А.В. Головнева, который, говоря, правда, в основном о древности, ушел от термина “мигрант”, заменив на “движущегося человека” (Головнев 2009).

Литература

- Головнев 2009 – Головнев А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург, 2009.
- Дятлов 2009 – Дятлов В. Введение // Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации. Екатеринбург, 2009.
- Кайзер, Бредникова 2004 – Кайзер М., Бредникова О. Транснационализм и транслокальность (комментарии к терминологии) // Миграция и национальное государство. СПб., 2004. С. 133–146.
- Карпенко 2004 – Карпенко О. Как и чему угрожают мигранты? Языковые игры в “гостей с юга” и их последствия // Миграция и национальное государство. СПб., 2004. С. 62–84.
- Концепция – Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации // Федеральная миграционная служба. [Электронный ресурс]: <http://www.fms.gov.ru>.
- Кулагин – Кулагин А. Нынешняя власть – самые главные гастарбайтеры. Их нужно отправить домой // Коммунистическая партия Российской Федерации [Электронный ресурс]: <http://kprf.ru>.
- Малахов 2007 – Малахов В. Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М., 2007.
- Миграция и демографический кризис – Миграция и демографический кризис в России. М., 2010.
- Мукомель 2011 – Мукомель В. Российские дискурсы о миграции: “нулевые годы” // Демоскоп-Weekly. 2011. № 479–480. [Электронный ресурс]: <http://www.demoscope.ru>.
- На территорию – ФМС: На территорию РФ в 2011 г. въехали свыше 13,6 млн иностранцев // РБК. 25 января 2012. [Электронный ресурс]: <http://www.rbc.ru>.
- О праве граждан – Закон “О праве граждан Российской Федерации на передвижение, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации” // Федеральная миграционная служба [Электронный ресурс]: <http://www.fms.gov.ru>.
- О правовом положении – Закон “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации” // Федеральная миграционная служба. [Электронный ресурс]: <http://www.fms.gov.ru>.
- Рыбаковский 2003 – Рыбаковский Л. Миграция населения (вопросы теории). М., 2003.
- Соколовский 2001 – Соколовский С.В. Образы Других в российской науке, политике и праве. М., 2001.
- Шнирельман 2011 – Шнирельман В. “Порог толерантности”: идеология и практика нового расизма. В 2-х томах. М., 2011. Т. 2.
- Key migration terms – Key migration terms // International Organization for Migration [Электронный ресурс]: <http://www.iom.int>.
- Levitt 2001 – Levitt P. The Transnational Villagers. University of California Press, 2001.
- Nation Unbound 1994 – Nation Unbound: Transnational Projects, Postcolonial Predicaments, and Deterritorialized Nation-States / L. Basch, N.G. Schiller, C.S. Blanc (eds.). L.; N.Y.: Routledge, 1994.
- Schiller, Çalar 2009 – Schiller N.G., Çalar A. Towards a Comparative Theory of Locality in Migration Studies: Migrant Incorporation and City Scale // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2009. Vol. 35. № 2. P. 177–202.
- Vertovec 2009 – Vertovec S. Transnationalism. L.; N.Y.: Routledge, 2009.

S.N. A b a s h i n. Central Asian Migration: Practices, Local Communities, Transnationalism

Keywords: ethnography, Central Asia, migration, migration processes, identity, transnationalism

The article discusses the theme of Central Asian migrations and the ways in which it has been perceived both in the Russian public consciousness and in the scholarly research. The author analyzes the strategies of classifying migrants and ascribing individuals to the migrants, and points to their contradictory character and ideological underpinnings. He further suggests that migration should be looked at from an ethnographic standpoint and the question of “who the migrants are” be restated as the question of “how the *migrantness* emerges”. As an introduction to the thematic discussion on Central Asian migration, this article makes a proviso that everyday practices will be held within this discussion as a subject of study; local communities as its object; and transnational space as its field.